

Юша Ж. М.

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ 2016 Г.)¹

В статье описываются результаты трех фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных к тувинцам Китая в 2016 г. Анализируется степень владения фольклорно-этнографической традицией молодого поколения китайских тувинцев. Материалы, записанные от студентов-тувинцев, свидетельствуют о преемственности знаний по традиционному фольклору и обрядности. Отмечается, что молодежь в проведении ритуалов придерживается канона традиции, знает семантику и прагматику обрядов. В то же время, в зафиксированных произведениях устной прозы от молодого поколения можно отметить небогатый репертуар и слабое знание основ традиционной мифологии. Установлено, что фольклор и обряд в жизни тувинцев Китая является живой и динамичной системой традиционной культуры. В ходе трех экспедиций записаны образцы многих фольклорных жанров, а также зафиксированы разные этапы свадебной обрядности.

Ключевые слова: *тувинцы Китая, Синьцзян-Уйгурский автономный район, сказочная проза, обрядовый фольклор, экспедиционные исследования.*

В современном мире в условиях урбанизации населения наблюдаются процессы исчезновения исконной народной культуры, как в России, так и за рубежом. С каждым годом все меньше остается число знатоков языка и традиционной культуры, исполнителей фольклора, поэтому необходимость полевой работы, своевременная фиксация произведений устно-поэтического творчества актуальна как никогда прежде.

Во время полевой работы с китайскими тувинцами не всегда удавалось фиксировать материалы от молодых носителей традиционной культуры. Исходя из собственного полевого опыта могу назвать две возможные причины, относящиеся скорее всего, к психологическим и этикетным нормам. Во-первых, было замечено, что среди старших родственников молодые часто позиционируют себя современными людьми, и потому далекими от народных обычаев и традиций. Во-вторых, в традиционном тувинском обществе, где уважительно относятся к старшим по возрасту людям, в их присутствии молодежь часто отказывается исполнять фольклорные произведения, ссылаясь на то, что взрослые люди знают их гораздо лучше. В ходе экспедиционной работы, столкнувшись с таким явлением, нами были предприняты определенные шаги (такие, как, например, отдельное время записи, когда молодые люди находились на учебе, вдали от малой родины), чтобы зафиксировать фольклорные произведения от молодых тувинцев.

В 2016 г. в рамках гранта РГНФ № 15-04-00206а «Специфика сказочной прозы тувинцев Китая. Исследования. Материалы» были проведены три экспедиции к тувинцам Китая. Первая фольклорно-этнографическая экспедиция «Традиционная культура китайских тувинцев: преемственность поколений» состоялась с 23 по 30 марта 2016 г. в городе Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Основной целью экспедиции являлась запись фольклорных произведений, традиционной мифологии и обрядовой культуры от студентов, обучающихся в г. Урумчи, принадлежащих к этническим тувинцам Китая, выросших в разных населенных пунктах Алтайского аймака. В условиях полевой работы предполагалось выявить, насколько успешно адаптируется тувинская молодежь к условиям мегаполиса и поликультурной среды, сохраняется ли традиционная культура, фольклор и этикет тувинцев. Кроме этого, нужно было выявить влияние иноэтнической языковой среды на этническую идентификацию студентов-тувинцев.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-04-00206а «Специфика сказочной прозы тувинцев Китая. Исследования. Материалы»

В настоящее время в средних и высших учебных заведениях г. Урумчи, административного центра Синьцзян-Уйгурского автономного района, обучаются девять этнических студентов-тувинцев (5 девушек, 4 юношей, 1992–1995 г.р.). В ходе проведения полевой работы со студентами нами была использована следующая методика: опрос, интервьюирование; беседа; включенное наблюдение; «исследовательская провокация» (термин Т. Б. Диановой). Для выявления отношения к родному языку и современной языковой ситуации в условиях многоязычия, характерной для китайских тувинцев было проведено анкетирование.

От молодых исполнителей были подробно записаны описания календарных (традиционная встреча Нового года по лунному календарю, летний ритуал *Оваа дагыры*) и семейно-бытовых (хранение пуповины, первая стрижка волос ребенка, этапы свадебного цикла). обрядов. В вопросах обрядовой культуры среди молодежи отмечаются гендерные принципы знания традиционного ритуала. Например, девушки хорошо знают особенности проведения женских обрядов, которые проводятся без участия представителей мужского пола. К ним относятся: в родильном цикле – закапывание плаценты ребенка, в предсвадебной обрядности изготовление постельных принадлежностей для невесты – *дэжек чазаары* (букв. «пиршество одеяла»). Эти же сведения подтверждаются материалами наших предыдущих экспедиций, проведенных в местах компактного расселения китайских тувинцев, когда нами фиксировались этапы новогодней обрядности, проведение летнего ритуала *Оваа дагыры* (освящение обо), а также семейно-бытовая обрядность. В связи с вопросом о проведении и подготовке к семейным и календарным ритуалам девушки охотно рассказывали об изготовлении обрядовой еды – мучных изделий *чемидор*, *карала*, *санзы* для новогодних празднеств.

У всех опрошенных молодых людей отмечено существование мифологических представлений о том, что каждый природный объект Среднего мира (река, гора, местность и др.) имеет своего духа-хозяина *ээзи*, по-другому *сантык*. Они считают, что при почтительном отношении к ним людей они покровительствуют, приносят удачу в любых делах. Духом-хозяином Китайского Алтая они считают Ак-Огбена (вариант – Сагаан-Огбен), седобородого старца, едущего на белом воле. По мифологическим воззрениям в плане иерархии Ак-огбен выше всех духов-хозяев, он является хозяином всей земли и всего, что находится на ней: природных объектов, скота, зверей.

Из фольклорных произведений от респондентов были записаны образцы жанров обрядового фольклора (*алгаар*, *алгыш*), народные песни (*ырлар*), сказки (*тоолдар*), традиционные детские игры (*оюннар*). Относительно игр следует подчеркнуть, что поскольку опрошенные информанты родились в 1990-х гг., то они активно участвовали в этих играх, так как в сельской местности еще не было компьютерного бума. Эти игры, существовавшие в недавнем прошлом у китайских тувинцев, с таким подробным описанием зафиксированы впервые.

Кроме этого, у молодых людей отчетливо проявляются отличные знания традиционного гостевого этикета, присущего китайским тувинцам. Так, в условиях большого города, когда я встречалась с ними в точках общепита, они всегда меня старались посадить за стол на почетное место, определяя его по признаку – напротив двери, то есть, как и в традиционном жилище – в войлочной юрте.

По результатам анкетирования выявилось, что все респонденты (100%) считают родным языком тувинский. Его же они признают одним из этнодифференцирующих факторов традиционной оппозиции «свой – чужой». Все опрошенные респонденты единогласно подтвердили свое желание – внести обязательное преподавание родного языка в программу средней школы хотя бы на два-три года, что вряд ли возможно в условиях китайской образовательной системы. Поскольку тувинцы Китая живут долгое время в иноэтничной среде и по официальной статистике отнесены к монголам, у пожилых тувинцев в последние годы возникают определенные трудности и путаница с этнической самоидентификацией. Некоторые представители мононациональных тувинских семей относят себя и к тувинцам, и монголам. В отличие от них, тувинские ребята, обучающиеся в Урумчи, идентифицируют себя только тувинцами, и

образ своего народа оценивают, как положительный. У них есть потребность в идентификации со своей этнической группой.

Итак, в результате первой разведывательной работы, проведенной среди тувинских студентов выявлено, что они, временно проживая в одном из крупных мегаполисов Синьцзяня, в условиях иноэтнического окружения сохраняют свою традиционную культуру, где отчетливо наблюдается ее преемственность и устойчивость у молодого поколения. Особо следует отметить, что обрядовую культуру своего народа они знают очень хорошо, не понаслышке. Исходя из данных ими описаний обрядовых действий и структуры ритуалов становится понятно, что молодежь в проведении ритуалов придерживается канона традиции, знает семантику и прагматику обрядов. Полученные результаты экспедиции позволяют утверждать, что у тувинских студентов наблюдается высокая степень преемственности и знаний традиционной культуры.

После успеха первой экспедиции, проведенной в марте 2016 г. среди тувинских студентов, было решено провести вторую фольклорно-этнографическую экспедицию «Устная проза китайских тувинцев в записях от студентов» которая состоялась с 21 апреля по 28 апреля 2016 г. Цель экспедиции – сбор и запись произведений устной прозы от молодых представителей китайских тувинцев, обучающихся в г. Урумчи.

Во время второй полевой работы в качестве методов исследования были применены интервьюирование и беседа. Возраст опрошенных респондентов – от 21 до 24 лет. Были записаны 25 новых образцов сказочной прозы: рассказы о мифологических персонажах Джелбеге, Мангыс, а также исторические предания об известных личностях: Амыр-Санаа, Чингисхан, предания о бегстве китайских тувинцев в Монголию в период дунганской войны в Китае в 1930-х гг. Поскольку тексты преданий про Амыр-Сану у тувинцев Китая имеют территориальные особенности, то у студентов были записаны два варианта этого произведения. Так, личность Амыр-Саны соотносят с реальным топонимом – горой Болбаадай, где он, якобы потерпел сокрушительное поражение. Считают, что именно из-за этого исторического события тувинцы стали называть гору Болбаадай, что буквально означает «не получилось».

Ребята охотно рассказывали генеалогические предания о родовых группах: *дорт сумун, танды, соян, хойук*, а также родовые дразнилки, существующие в настоящее время. В кратких вариантах зафиксированы предания про известных силачей и шаманов, хотя шаманская традиция уже прервана. Записаны топонимические предания о названии местностей, гор, рек и озер, в которых содержатся народные толкования.

Отмечены поверья и приметы, а также определенные представления о благоприятном времени, где большое внимание уделяют фазам луны. Респонденты подчеркивали, что для проведения не только календарных, но и семейных обрядов китайские тувинцы обязательно придерживаются благоприятных дат восточного лунного календаря, определяют наиболее удачные дни.

Интересен мифологический рассказ об уголке в очаге, который напоминает человеческую фигуру, и предвещает приход гостя, бытующего поверья и у других народов Южной Сибири: российских тувинцев и хакасов. «Давным-давно этот обычай раньше из истории остался. Шел один человек, оказывается, из дальнего места своего родственника искать. Одна единственная родственница у него есть, оказывается, младшая сестра. Ее он шел искать. Из дальнего места он был, много лет не видел, 30 лет не видел, говорят. В то время, когда он искал, у его сестры в юрте в очаге уголек появился, оказывается. «Нет у меня никого, который бы искал меня» – так подумав, схватив его щипцами спустила в воду, оказывается. После этого, тот издали идущий человек в пути утонул в реке, оказывается. После этого случая стали придерживаться этого обычая, вот по какой причине современные тувинцы не трогают уголек в очаге» (Зап. от Ускулен Мандаа, 1995 г.р. род чаг-тыва).

При сравнении фольклорных знаний молодых и пожилых носителей традиции обнаруживается, что в зафиксированных от молодых, жанрах устной прозы имеется небогатый репертуар и слабое знание основ традиционной мифологии. Если среди пожилых исполнителей

широкое распространение имеют космогонические мифы о происхождении звезд и созвездий *Чеди-Хаан* (Большая Медведица), *Улгер* или *Уш-Мыйгак* (Орион), *Шолбан* (Венера), то у интервьюируемых ребят эти знания отсутствуют.

Кроме того, в речи молодежи уже не употребляется устойчивая традиционная формула, необходимая для описания внешности мифологических персонажей: «Глазами не видел, ушами слышал» (*Караамна көрбээн мен, кулаамна дыңнаан мен*). В содержательном и языковом отношении в устных рассказах можно отметить их краткость и простоту сюжета, наличие немногих устойчивых формул, характерных для фольклорных текстов. Можно предположить, что здесь могли сказаться юный возраст респондентов, у которых предполагается небольшой жизненный опыт и отсутствие навыков рассказывания фольклорных произведений постороннему человеку.

Кроме этого, у молодого поколения китайских тувинцев не отмечено наличие некоторых мифологических представлений, существенных для традиционной тувинской мифологической системы. Например, они знают, что в традиционной картине мира у тувинцев верховным божеством Верхнего мира является Курмушту, владыкой Нижнего мира – Эрлик-Ловун-хан. Однако респонденты не могли определить функции мифологических существ *алмыс*, *бук*, *шул-мус*, обитающих в Среднем мире. У них также не сохранились архаичные представления о том, что люди Верхнего мира носят свой пояс на уровне подмышек, Среднего мира – на талии, Нижнего – на бедрах.

В современном бытовании сказочной прозы приходится констатировать утерю у молодого поколения многочисленных вариантов устных рассказов, связанных с музыкальным инструментом *шоор*, о происхождении названий наигрышей.

Таким образом, полевое исследование, проведенное с целью фиксации устной прозы среди тувинских студентов, показало следующие результаты: тувинские студенты, живущие в мегаполисе в отрыве от своих семей, имеют хорошие знания повествовательного фольклора, демонстрируют основные жанры устной прозы (*бурун хоочу* «древние рассказы», *тууку хоочу* «исторические рассказы», *черлер аттары* «о названиях местностей»), характерные для общетувинской фольклорной традиции. Несмотря на наличие трансформационных процессов в области мифологии, все же следует признать живучесть фольклорной традиции китайских тувинцев, ее преемственность у молодого поколения, а также востребованность этих знаний в обыденной жизни.

Третья фольклорно-этнографическая экспедиция «Полевые исследования традиционного фольклора тувинцев Китая» была проведена с 5 по 21 июля 2016 г. в населенных пунктах Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в местах компактного проживания тувинского населения. Маршрут экспедиции составил: г. Урумчи – Бурчин – Хом – Ханас – Ак-Хаба – Ханас – Бурчин – Бейтун – Кок-Догай – Тамыкы – Кок-Догай – г. Урумчи. Во время летней экспедиции была запланирована следующая работа: запись фольклорных произведений разных жанров; фиксация свадебных обрядов и этнографических реалий. Для полевой работы использовались методы включенного наблюдения, беседа и опрос, фиксация ритуала в естественном бытовании, исключая постановочные кадры.

Особое внимание было обращено на фиксацию устной прозы среди местного населения. Собранный повествовательный фольклор представлен мифами (*бурун хоочу*), преданиями (*тууку хоочу*), сказками *тоол*. В отличие от других населенных пунктов, в деревне Хом, где раньше проживали в большом количестве русские переселенцы (1930–1956), были записаны устные рассказы о жизни и быте русских. Данные воспоминания свидетельствуют о том, что хозяйство русского населения было крепким, они в работники нанимали тувинцев. Поэтому местное население их считает кулаками, бежавшими от советской власти. В одном из рассказов повествуется о том, что перед тем как переселиться в Хом, русские сначала посадили пшеницу размером с юрту. Осенью, когда пшеница дала обильный урожай, они переехали в эту местность (Зап. от Бадая Буудела, 1980 г.р. род хара-сал).

Обрядовые жанры включают благопожелания *алгыш*, *алгаар*, заговоры *чалбарыыр*, проносимые на свадьбе и обрядах сватовства их участниками. Лирическая поэзия представлена песнями *ыр*, исполненными на традиционные типовые напевы. В большом количестве зафиксированы варианты народных песен: «Ээви-Хем» (Река Ээви), «Алдай чаагай» (Прекрасный Алтай), «Конгурай», «Ак-ка тиккен оргээзи» (На просторном месте поставленная юрта), а также песни-восхваления родной земли.

Помимо песенного и повествовательного фольклора, нами было зафиксировано большое количество материала, иллюстрирующего традиционное мировоззрение тувинцев: взгляды на окружающий мир, представления о жизни и смерти, описания различных обрядов, а также ценные сведения по истории и этнографии китайских тувинцев. По нашим наблюдениям, в настоящее время среди фольклорных произведений трудно зафиксировать тексты малых жанров (пословицы и поговорки, загадки). Эти жанры выходят из активного употребления даже среди пожилых людей.

У китайских тувинцев, согласно общетюркским традициям, летнее время считается наиболее благоприятным временем для проведения разных этапов сватовства и свадебных торжеств. В период экспедиции в разных местностях нами были зафиксированы основные этапы сватовства: *аас белек айттыыр* (устное испрашивание подарка), *шай былчыыр* (разламывание плитки чая). На последнем этапе *шай былчыыр* родители жениха по установленной традиции дарили матери новобрачной корову с телятком за «выпитое дочерью молоко», а отцу или брату – коня или «железного коня» (мотоцикл). Зафиксировано пиршество у родителей жениха (*улуг дой*) во время обряда благословения невесты, когда она совершает моление домашнему очагу жениха. Особый интерес представляет проведение свадебного обряда приложения камня на подол новобрачной, который является заключительным этапом обрядовой части главного пиршества. Примечательно, что поэтические образцы благопожеланий, посвященных невесте, где присутствует образ камня зафиксирован у тюркских народов Сибири без описания соответствующих акциональных действий (Тадина, 1995: 127). Возможно, что у алтайцев ритуальные действия были аналогичны совершаемым действиям китайских тувинцев, поскольку совпадает вербальная часть благопожеланий.

Удалось зафиксировать свадебное пиршество, проводимое при заключении брака путем умыкания невесты по обоюдному согласию молодоженов (*келини дестирип өгленири*). У китайских тувинцев, как и раньше, умыкание невесты происходит с ее обязательного согласия в двух случаях: 1) если родители невесты не одобряют будущий брак своей дочери с этим парнем; 2) если у жениха нет возможности уплатить денежный калым. В отличие от брака по сватовству, при умыкании отсутствуют обязательные этапы сватовства: *аас белек айттыыр* (букв. «устное испрашивание подарка»), *ак кудар* (букв. «преподнесение подарка»), *шай былчыыр* (букв. «разламывание плитки чая»). Даже такой важный ритуал как расплетение косы невесты, символизирующий ее переход в категорию женщин, по традиции проводимый у родителей новобрачной, в данном типе брака отсутствует.

Как было отмечено нами, в настоящее время у китайских тувинцев тенденций к упрощению ритуальных действий, забвению отдельных элементов обряда, а также фольклорных произведений встречается крайне редко. Можно говорить о том, что есть незначительные изменения в свадебной обрядности, связанные с современной действительностью (наличие свидетелей жениха и невесты), а также появившийся обычай уплаты калыма в денежном эквиваленте под влиянием свадебных традиций соседних народов: казахов и китайцев.

Большой удачей экспедиции явилось то, что удалось записать полный вариант героического сказания «Боге Сагаан Тоолай» от Манзаарак, 80 лет из рода кызыл-соян, проживающего в деревне Хом. Следует отметить, что традиция сказительства в настоящее время здесь угасает, остались последние информанты, которые помнят и исполняют героические сказания (подробнее см.: Юша, 2015).

Таким образом, проведенные полевые исследования позволяют сделать вывод о том, что фольклорная традиция и обрядность до сих пор являются живой, динамичной системой традиционной культуры китайских тувинцев. Если при признаках трансформации народной культуры обычно исследователи работают в основном с пожилыми людьми, то в условиях живого бытования традиционной культуры нам удалось записать ценные сведения и у молодых носителей.

Во время экспедиции в местах компактного расселения тувинского населения выявлены новые исполнители среднего и пожилого возраста, знатоки несказочной прозы, прекрасные рассказчики: Бадай Буудел, Монгебайыр Дагаа, Манзаарак, Суюл. В результате экспедиций, проведенных в 2016 г. собран богатый фольклорно-этнографический материал. Всего видеозаписей – 5 ч., аудио – 10 ч., фото – 120 шт. Полученные материалы экспедиционных исследований предполагается использовать в сравнительно-сопоставительных научных работах, посвященных традиционной культуре тувинцев России, Китая и Монголии.

Список основных информантов

Байырта Сенгил, 1991 г.р., род хойук
Уркээ Бадырылты, 1993 г.р., род иркит
Ускулен Мандаа, 1995 г.р., род чаг-тыва
Пинар Монгебайыр, 1994 г.р., род танды
Манзаарак, 1936 г.р., род кызыл-соян
Чыргал Серилен, 1968 г.р., род хара-сал
Суюл, 1965 г.р., род мончак
Бадай Буудел, 1980 г.р., род хара-сал
Монгебайыр Дагаа, 1960 г.р., род танды
Мейхуа Иртыш, 1974 г.р., род кызыл-соян

Список литературы

Мифы, легенды, предания тувинцев (Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша) / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 28. – Новосибирск: Наука, 2010.
Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995.
Юша Ж. М. Сказительство у тувинцев Китая: традиция и современность // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии СПб ГУ. – Тезисы выступлений. – Санкт-Петербург, 26–28 октября 2015 г. – СПб., 2015. – С. 134–135.
Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 192 с.

Юша Ж. М., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Федеральное бюджетное научное учреждение Институт филологии

Сибирского отделения РАН, сектор фольклора народов Сибири.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2017

Yusha Zh. M.

FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC TRADITIONS OF TUVINIANS OF CHINA (BASED ON 2016 FIELDWORK)

The article describes the results of three folklore-ethnographic expeditions to the Tuvinians of China in 2016 year. Analyzed the degree of ownership of folklore and ethnographic tradition of the young

generation of the Chinese Tuvinians. Recorded materials from Tuvinian students testify to the continuity of knowledge on traditional folklore and rituals. It is noted that young people in the rituals adheres to the canon of tradition, knows the semantics and pragmatics of rituals. At the same time, in the recorded works of oral prose from a young generation it can be noted not rich repertoire and poor knowledge of the foundations of traditional mythology. It is established that the folklore and ritual in the life of Tuvinians of China is a lively and dynamic traditional culture. During three expeditions were recorded samples of many folklore genres and also the different stages of the wedding rituals.

Key words: *Tuvinians of China, Xinjiang Uygur Autonomous region, non-folktale prose, ritual folklore.*

References

- Mifi, legend, predaniya tuvintsev (Sost. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha) [Myths, Legends, Historical Stories of Tuvinians] / Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. – Tom 28. – [Monuments of Folklore peoples of Siberia and Far East]. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 373 c. (in Russian)
- Tadina N. A. Altaiskaya svadebnaya obryadnost XIX–XX vv [Altai wedding Rituals]. – Gorno-Altaysk: Yuch-Sumer, 1995. – 214 c. (in Russian)
- Yusha Zh. M. Skazitelstvo u tuvintsev Kitaya: tradisiya i sovremennost [Epic tradition Tuvinians of China: tradition and modernity] // Yaziki i literature tyurkskih narodov. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashennaya 180-letiyu kafedri tyurkskoi filologii SPb GU. – Tezisi vystuplenii. [Languages and literature of the Turkic peoples. International scientific conference dedicated to the 180th anniversary of the Department of Turkic Philology of St. Petersburg State University]. – Sankt-Peterburg, 26–28 oktyabrya 2015 g. – P. 134–135. (in Russian)
- Yusha Zh. M. Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika [Ritual poetry of Tuvinians: structure and semantics]: dis ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2006. – 192 s. (in Russian)

Yusha Zh. M., Researcher, PhD.

Institute of Philology of SB RAS, Sector of Folklore of Peoples of Siberia.

Ul. Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru